

нымъ вопросамъ нашего національнаго быта, и выдаются какъ поученіе, истекающее изъ самой глубины нашего народнаго начала. Очевидно, однако, что эти положенія составляютъ весьма произвольную теорію, которая далеко не подтверждается дѣйствительною жизнью и исторіей. Толки о національномъ предназначеніи, какъ извѣстно, были у насъ порождены въ особенности вліяніями нѣмецкой метафизики съ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. Исторія, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, нашла въ судьбахъ народовъ строгую послѣдовательность и цѣлесообразность, которая правильно отвѣчала теоретическимъ рубрикамъ «философіи исторіи». Если каждый великій историческій народъ имѣлъ какую-либо особую область и способъ дѣятельности, теорія рѣшала, что онъ именно *долженъ былъ* исполнить эту роль, т.-е. исполнять свое историческое предназначеніе. Опредѣляемое въ прошедшемъ, «предназначеніе» отнесено было и въ будущее. У насъ, теорія примѣнена была и къ русскому народу. Это былъ несомнѣнно великій историческій народъ—потому что это былъ народъ могущественный, занявшій своеобразное положеніе относительно другихъ народовъ Европы, носившій въ себѣ наслѣдіе восточнаго греческаго міра, распоряжавшійся половиною Европы и громадными пространствами Азіи. Нѣмецкая философская исторія не угадывала его провиденціальной роли—или понимала ее совершенно превратно<sup>1)</sup>; наши мыслители восполнили пробѣлъ и нашли предназначеніе русскаго народа въ помянутой выше формулѣ.

Не будемъ останавливаться на самой теоріи историческаго предназначенія: она отжила свое время вмѣстѣ съ метафизическимъ построеніемъ исторіи. Въ данномъ случаѣ, выводъ о предназначеніи былъ построенъ на чистомъ произволѣ поэтическаго патріотизма. Оно доказывалось, какъ обыкновенно извѣстными историческими фактами, которымъ подставлялось «предназначеніе» такъ сказать заднимъ числомъ; доказывалось и національными свойствами. Историческое пониманіе превращалось въ фатализмъ или въ прорицаніе; національная судьба являлась какъ нѣчто на роду написанное. Но фатализмъ и пророчество мало вязались съ прошедшими судьбами народа. Отчего высокое предназначеніе дается тому народу, а не другому? оно, конечно, должно было принадлежать ему искони, когда онъ еще не успѣлъ заявить своей исторической способности,—потому что иначе нельзя было бы говорить о предназначеніи. Извѣстныя національныя свойства мо-

<sup>1)</sup> Напр., у Гервинуса, Einleitung in die Gesch. des XIX Jahrh.